

УДК 159.937:81'36=581

UDC 159.937:81'36=581

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИНГА НА УРОВНЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР У НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

CHINESE NATIVE SPEAKERS' PECULIARITY OF CULTURAL FRAMING AT THE LEVEL OF GRAMMAR STRUCTURES

Г. Н. Белявский,
*аспирант кафедры психологии
ГУО «Академия последиplomного
образования»*

H. Bialiauski,
*Post-graduate, Academy of
Postgraduate Education Minsk,
Belarus*

Поступила в редакцию 27.12.17.

Received on 27.12.17.

В статье рассматривается связь феномена культурного фрейминга со спецификой структурирования высказывания на уровне грамматики. Китайский язык характеризуется грамматической системой, в которой отсутствует привычная для европейца морфология, и особое влияние имеет синтаксис. Данные структурные особенности различных языков могут повлиять на восприятие текстов и вызвать существенное искажение понимания в процессе межкультурного диалога. Приводятся результаты исследования, подтверждающие уникальность феномена культурного фрейминга на уровне грамматических структур носителями китайского языка при восприятии иностранных текстов.

Ключевые слова: культурный фрейминг, грамматические способы оформления высказывания, грамматические значения, культурный контекст, морфология, синтаксис.

The article considers the connection of cultural framing with the peculiarity of structuring the utterance at the grammar level. Chinese has a grammar system which does not have morphology familiar to Europeans, and where syntax has a special influence. These structural peculiarities may influence the comprehension of texts and significantly distort understanding in intercultural dialogue. The research results are presented which confirm the Chinese native speakers' peculiarity of cultural framing at the level of grammar structures in the process of foreign texts comprehension.

Keywords: cultural framing, grammatical means of building the utterance, grammatical meanings, cultural context, morphology, syntax.

Культурный фрейминг является сравнительно новым понятием в современной психологии. В настоящее время его интенсивно изучают в различных областях социального знания, таких как лингвистика, педагогика, психология, что делает данный феномен междисциплинарным понятием, служащим для структурирования и понимания системы знаний в различных областях науки. Как отмечают исследователи из Беларуси и России, В. А. Янчук и В. А. Мазиллов, понятие фрейма было введено для обозначения «способа, используемого людьми в повседневной жизни для упорядочивания и структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены» [1]. В современной психологии исследование культурного фрейминга только начинают проводиться. Существует небольшое количество работ, посвященных изучению данного феномена, многие из которых рассматривают культурный фрейминг в сфере

рекламы, влияния средств массовой информации на формирование убеждений аудитории, а также в сфере оптимизации диалога с избирателями в периоды избирательных кампаний. Тем не менее, множество вопросов по-прежнему остаются без ответов, в частности неясно, каково приблизительное количество данных фреймов в рамках отдельно взятой культуры, чем они опосредованы, а также не совсем понятно их влияние на возможность реконструкции культурного контекста, когда собеседники предпринимают попытку изучать культуру друг друга.

Рассматривая способы структурирования социальных феноменов, необходимо обратить внимание на язык, в котором происходят схожие процессы. В языке высказывание также строится по определенным правилам, которые диктуются особенностями данного языка, а также разделяются всеми его носителями. Это делает язык превосходным средством для понимания друг друга и передачи культурных ценностей из поколения

в поколение [2]. Рассматривая язык с точки зрения различных структур, можно говорить о разных ракурсах или уровнях, каждый из которых является определенным способом структурирования языкового материала, а именно о структурировании на фонетическом, лексическом, грамматическом и графическом уровнях. Каждый уровень имеет собственные правила, которым осознанно или неосознанно следует носитель языка, оформляя свою мысль в высказывание.

Российский ученый А. Реформатский отмечает, что, несмотря на огромное количество языков, существующих в мире, все они используют всего девять грамматических способов оформления высказывания [3]. Речь идет об аффиксации, внутренней флексии, редупликации, сложении, служебных словах, порядке слов, ударении, интонации и супплетивизме. Практически все языки используют все девять грамматических способов, однако в разных ситуациях и с разной частотой, что позволяет лингвистам говорить, в частности, об аналитических или синтетических языках. Аналитические языки строят большинство своих грамматических форм с помощью служебных слов и порядка слов, в то время как синтетические языки больше оперируют аффиксацией. Лингвистических классификаций существует несколько, что в одних случаях сближает два отдельных языка (китайский и английский языки можно характеризовать, как изолирующие), в других – разводят их (английский – алфавитное письмо, китайский – идеографическое письмо). При этом при переходе с родного языка на иностранный может происходить неосознанное смещение грамматических значений, так как человек будет склонен оставаться в привычном для себя способе культурного фрейминга, выбирая те формы в иностранном языке, которые наиболее согласуются со знакомыми ему грамматическими формами родного языка. Результатом может стать существенное искажение смысла изначального послания, что затрудняет понимание собеседниками друг друга, а также пагубно влияет на возможность реконструировать контекст другой культуры.

В лингвистике существует термин «межязыковой интерференции», который также описывает случаи, когда человек, говорящий на иностранном языке, неосознанно строит высказывание, неправомерно используя лексические и грамматические особенности своего родного языка. Однако опо-

ра лишь на данный лингвистический термин не дает возможности проверить, является ли количество искаженных форм эквивалентным степени искаженности понимания. Таким образом, рассмотрение данного вопроса с точки зрения культурного фрейминга является более приемлемым, так как оно позволяет не только выявить смещение грамматических или иных форм в сторону правил родного языка, но и проверить, насколько данные искажения проявляются на уровне понимания высказывания.

С целью изучения процесса культурного фрейминга на уровне грамматических структур, было проведено исследование, в котором носителям четырех языков (английского, русского, персидского и китайского) был предложен один и тот же аутентичный англоязычный текст для ознакомления. Выбор культурных групп не является случайным, так как все 4 группы используют различные системы письменности (латиницу, кириллицу, вариант арабского алфавита и идеографическое письмо), что также являлось отдельным предметом анализа. Участники исследования должны были предложить свободные ассоциации в связи с прочитанным текстом и написать по-английски, как они поняли главную идею текста. В последующем свободные ассоциации были объединены в 9 лексико-семантических блоков согласно синонимическому сходству, после чего применялся анализ частот (тест хи-квадрат). Письменные ответы испытуемых были подвергнуты контент-анализу с целью вычленения различных грамматических форм, передающих определенные грамматические значения (всего 28 значений).

Значимые различия в употреблении данных грамматических форм носителями различных языков были определены с помощью непараметрического теста Манна-Уитни для двух независимых выборок, где в качестве контрольной группы выступали англоязычные испытуемые, читавшие текст на родном английском языке. Таким образом, далее в статье результаты анализа частот приводятся в единицах нормированных остатков, показывающих степень отклонения частоты ассоциаций в каждом блоке от ожидаемой частоты. Статистически значимым является показатель равный и больше 2. Для описания результатов непараметрического теста используется уровень значимости «р», который должен быть меньше или равен 0,05.

Необходимо отметить, что именно китайская группа участников показала в своих ответах наибольшее количество различий с англоязычными испытуемыми на уровне грамматических значений, это можно объяснить тем фактом, что китайский язык – это единственный из выбранных языков, не входящий в индоевропейскую языковую семью.

Следующие результаты являются наиболее яркими примерами данных значимых различий. Китайские испытуемые продемонстрировали значимо более частое использование категории действия по сравнению с носителями английского языка ($p = 0,004$). Объясняя данное явление, необходимо отметить, что китайский язык является уникальным в данном исследовании, так как в нем отсутствует привычная для европейского человека лингвистическая морфология. В европейских языках по форме слова можно определить большинство его грамматических значений, в частности часть речи и свойства ей грамматические категории, такие как число, род, падеж, время, лицо или аспект действия. Китайское слово, выраженное иероглифами, не имеет подобных морфологических признаков. Оно становится предметом, качеством или действием в зависимости от того, какое место в высказывании занимает. В отношении китайского языка можно сказать, что в нем синтаксис, отвечающий за порядок и связь слов в высказывании, довлеет над морфологией, формой самих слов. Данный результат подтверждается на этапе ассоциативного эксперимента, где китайцы предложили значимо больше свободных ассоциаций в блоке «Динамика проблемы» (6,6), содержащем слова, выражающие процессы.

Интересно отметить, что в китайском языке лишь выражение прошедшего времени действия оформляется по схожим с европейскими языками правилам. К слову, обозначающему действие, прибавляется иероглиф 了 [le] при выражении прошедшего времени, или иероглиф 过 [guo] для выражения прошедшего неопределенного времени. Настоящее время в китайском языке не имеет морфологических признаков, как и будущее время, для выражения которого используется простая форма глагола и наречие 明天 [míngtiān] (завтра), называемое температивом. Подобный способ оформления грамматики немного сближает китайский язык с европейскими языками и с английским языком в частности.

В исследовании это также подтверждается тем фактом, что китайская группа участников чаще в своих письменных ответах использовала категорию прошедшего времени по сравнению с носителями английского языка. Дискурсивный анализ письменных ответов китайских испытуемых выявил позицию «сторонних наблюдателей», не вовлеченных в проблему, что противоречит исходному тексту. Данная позиция была совсем не свойственна иранским и белорусским испытуемым, которые не показали значимых различий в категории времени с англоязычными испытуемыми, и рассматривали обсуждаемую проблему как актуальную и имеющую отношение ко всему мировому сообществу.

Особенно интересным кажется пример значимых различий между группами в категории определенности и неопределенности. Китайцы очень редко в своих ответах использовали свойства английского языка способы выражения данного грамматического значения (использование определенного артикля, указательных или притяжательных местоимений). В китайском языке артикль как таковой отсутствует где определенность выражается счетными словами. Различные предметы используются с разными счетными словами. Например, выючные животные считаются «штуками», члены семьи – «ртами», книги – «корешками», а костюмы – «корпусами». Не всегда удается проследить логику использования того или иного счетного слова с определенным классом предметов. Более того, иногда выбор счетного слова является метафоричным, выражающим уникальный взгляд автора на качество определяемого предмета. Подобный способ структурирования мог помешать китайским испытуемым придать определенность явлениям предложенного текста, так как английский артикль не передает всей полноты категории определенности в китайском языке. В русском языке артикль также отсутствует, однако белорусские испытуемые чаще использовали категорию определенности ($p = 0,007$) в своих письменных ответах. На этапе ассоциативного эксперимента белорусы чаще предлагали ассоциации в блоке «Характеристика проблемы», включающей названия явлений и категорий, а не процессы или действия, как в случае китайцев. Таким образом, как на уровне грамматических форм, так и на уровне понимания текста носители русского языка сосредоточились на именах (имеющих

категорию определенности – неопределенности), а китайцы на процессах (глаголы не имеют данной категории).

В качестве заключительного примера можно привести значимые различия у китайской группы в выборе категории единственности предмета по сравнению с англоязычной группой ($p = 0,000$). В китайском языке практически не используются формы множественного числа существительных. Лишь в случае одушевленных существительных может добавляться иероглиф 们 [men]. В остальных случаях китайцы используют слово 些 [xiē], которое переводится словом «несколько». Поэтому, китайцы предпочли избегать в своих письменных ответах использования множественного числа английских существительных, так как это не соответствует их привычному способу выражения числа. Таким образом, грамматическое значение единичности – множественности сместилось в их ответах, что также подтвердилось на этапе дискурсного анализа письменных ответов. Китайцы действительно не сочли проблему, описываемую автором текста, глобальной, что, возможно, вызвано их уникальным способом культурного фрейминга на уровне грамматических значений.

Требования к объему данной статьи позволяют привести лишь несколько примеров особенностей культурного фрейминга у носителей персидского и русского языков, также принимавших участие в исследовании. Например, носители русского языка чаще ($p = 0,032$) использовали в своих письменных ответах категорию признака предмета. С одной стороны, это объясняется тем, что количество прилагательных в русском языке выше, чем в английском за счет того, что при переводе большинства относительных русских прилагательных на английский язык используются английские существительные в общем падеже. Данная особенность также подтверждается ассоциативным экспериментом, так как носители русского языка предложили значимо меньше свободных ассоциаций, связанных с чувствами и чертами характера (-4,4). Таким образом, межъязыковая интерференция при передаче главной идеи текста подтверждается психологическим анализом особенностей понимания текста.

Носители персидского языка также значимо чаще использовали категорию признака ($p = 0,026$), что на лингвистическом уровне можно объяснить наличием в персидском языке так называемых изафетных цепей.

Следовательно, признак как таковой гораздо более акцентирован грамматически в персидском языке, чем в английском. Но психологический анализ понимания текста иранцами отличается в данной связи с носителями русского языка. Если последние, воспринимая английский признак, могут не связывать его с русскими прилагательными из-за несоответствия морфологии, что выражается в сложности считывания эмоциональной составляющей текста, то персидская изафетная цепь очень похожа морфологически на английский способ выражения признака, отличаясь лишь количеством звеньев в данной цепи. Для носителя персидского языка важным является именно порядок слов в таких конструкциях. Эта особенность нашла подтверждение на этапе дискурсного анализа ответов испытуемых, где иранцы были единственной группой, сконцентрировавшейся на причинно-следственном анализе обсуждаемой проблемы.

Может возникнуть вопрос, могли ли приведенные выше результаты быть вызваны различиями в уровне владения английским языком среди испытуемых? Необходимо отметить, что предварительного тестирования уровня владения языком не проводилось по нескольким причинам. Во-первых, сложность нахождения самих испытуемых, так как в основном это иностранцы, владеющие английским, участвующие в исследовании на добровольной основе. Предварительное тестирование сделало бы невозможным собрать материал. Во-вторых, участники выполняли задание по чтению и письму, следовательно, предварительный тест также должен был быть по данным речевым умениям, однако оценка уровня владения этими умениями является крайне субъективной. Ради справедливости следует отметить, что, на наш взгляд, ошибки были свойственны всем группам испытуемых, включая носителей английского языка. Однако, чтобы снизить возможное влияние уровня английского на результаты исследования, выборка была рандомизирована. Участники всех 4 групп принадлежали к различным профессиям, имели разный уровень образования, пол, возраст, опыт работы с английским языком, что в целом позволяет предполагать примерно равнозначный уровень владения английским языком всех трех групп (носителей русского, иранского и китайского языков). Более того, основное внимание уделялось не правильности употребления тех или иных

языковых явлений, а уникальности их выбора при построении высказывания.

Подводя итог, следует отметить, что при восприятии иностранного текста имеет место феномен культурного фрейминга, который, с одной стороны, выражается в значимом смещении изначальных грамматических значений послания в сторону знакомых структур в родном языке (межъязыковая интерференция), а с другой – специфика данных искажений также подтверждается психологическим анализом особенностей понимания исходного послания.

Результаты данного исследования имеют широкие возможности практического

применения. Явление культурного фрейминга на уровне различных структур языка необходимо учитывать в процессе преподавания иностранных языков, разработке учебников, в переводческой практике. Знание и учет данных психологических особенностей является одной из необходимых задач при развитии межкультурной компетентности. Учитывая тот факт, что без использования языка невозможно выстраивать общение, понимание специфики культурного фрейминга на уровне языка является необходимым условием для построения эффективного межкультурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янчук, В. А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга / В. А. Янчук, В. А. Мазилев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3 – Том 1. – С. 212–219.
2. *Samovar, L. A. Communication between Cultures* / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. – Wadsworth Cengage Learning, Boston, 2010. – 463 p.
3. *Реформатский, А. А. Введение в языковедение* / А. А. Реформатский. – М. : АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996. – 536 с.

REFERENCES

1. *Yanchuk, V. A. Metodologicheskiye problemy issledovaniya kulturnogo freyminga* / V. A. Yanchuk, V. A. Mazilov // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. – 2013. – № 3 – Tom 1. – S. 212–219.
2. *Samovar, L. A. Communication between Cultures* / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. – Wadsworth Cengage Learning, Boston, 2010. – 463 p.
3. *Reformatskiy, A. A. Vvedeniye v yazykovedeniye* / A. A. Reformatskiy. – M. : ASPEKT-PRESS, 1996. – 536 s.